

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
241

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

logical approach to architectural studies; his works determined the development direction of Russian architectural archaeology in the 20th century. The paper describes the main areas of his activities and reviews little known facts of his biography and his creative life. The archival data were used to clarify circumstances of P. P. Pokryshkin's birth, recreate the atmosphere at his parents' house as a formative factor of his personality. New epistolary and memoir materials revealing difficult circumstances of the last years of the scholar's work in Petrograd (1917–1920) as well as reasons that made him become a priest were identified and reviewed. The analysis of archival records containing information on P. P. Pokryshkin's life in the St. Tikhon Monastery in the town of Lukoyanov in the Nizhny Novgorod Province and his death from the typhoid fever in the February of 1922 was performed.

Keywords: P. P. Pokryshkin, biography, restoration, architectural archaeology, Archaeological Committee, St. Tikhon Monastery in Lukoyanov.

About the author.

Platonova Nadezhda I., Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences, 18 Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: niplaton@gmail.com.

И. Л. Кызласов

ПРИТЯЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ. ДОВОЕННАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Резюме. Архивные документы Л. Р. Кызласова 1930-х гг. воссоздают атмосферу активных культурных исканий, окружавшую юношу в провинциальном сибирском городке благодаря влиянию родителей и школы. Встреча с московскими археологами, В. П. Левашёвой и С. В. Киселёвым, работавшими в Южной Сибири, зародила интерес к науке о древностях, пронесенный через суровые годы репрессий и Великой Отечественной войны, а затем приведший в МГУ, в стенах которого сформировался специалист, посвятивший жизнь археологической науке.

Ключевые слова: возникновение интереса к археологии, сибирская провинция 1930-х гг., репрессии, Великая Отечественная война, преданность науке и учителям.

Историография нашей науки, активно развивающаяся ныне, в основном обращает внимание на уже сложившиеся личности. Такой подход оправдан: именно он позволяет постичь движение исследовательской мысли. В тени же по большей части остается весьма значимое и показательное в отношении археологической науки явление, без которого нет пополнения рядов ее работников и возникновения научных школ. Речь идет о притягательности нашего дела для

отрочества, о сложении конкретных юношеских судеб, устремившихся к археологии и сформировавшихся благодаря ей. Однако эта привлекательность не существует сама по себе, она создается идущими в народ профессионалами. И старшие, можно также сказать, первые советские, археологи московской школы оказались в этом деле весьма активны.

Архивные материалы позволяют мне на конкретном жизненном примере рассказать о силе притягательного воздействия, оказанного на провинциального подростка в условиях довоенной Сибири двумя даровитыми учениками В. А. Городцова¹. Оба они начали свои исследования сразу же по окончании университетского курса. Варвара Павловна Левашёва (1901–1974 гг.), в 1926 г. получив диплом, уже через две недели переезжает из Москвы в Омск и, став сотрудником Западно-Сибирского краеведческого музея, проводит разведки и раскопки в Прииртышье. В 1929 г. она перебирается в Минусинск, заняв место в местном музее, и по 1946 г. изучает древности в долинах Среднего Енисея, послевоенная ее деятельность связана с Государственным Историческим музеем. Всюду в сибирских пределах исследовательница создает детские археологические кружки и привлекает к раскопкам школьников. Сергей Владимирович Киселёв (1905–1962 гг.) с 1928 г. ежегодно и с большим успехом проводит полевые работы в Южной и Восточной Сибири: в Хакасско-Минусинской котловине и на Алтае, в Туве и в Забайкалье. И всюду на его раскопках бывают многочисленные экскурсанты, итоги охотно докладываются в местных учреждениях науки, образования и культуры, проходят публичные лекции, организуются выступления по радио.

В Хакасии под влияние двух этих замечательных, полных исследовательского энтузиазма ученых попал совсем юный тогда Леонид Романович Кызласов. Интерес к истории и древностям вместе с влечением к широкому культурному кругозору был заложен в парнишку его родителями с малолетства. Вместе с тем его мальчишеские дневники рисуют удивительно цельное стремление к знаниям, отличавшее в то время жителей малого сибирского городка в целом. Оба этих обстоятельства следует принять во внимание. Однако речь у нас идет о прививании пристрастия к особенностям археологического знания и специфическим методам получения данных, необходимых для археологического познания.

В 1930 г. семья Романа Афанасьевича и Христины Витольдовны Кызласовых, включая 6-летнего сына и 3-летнюю дочь, приехала в Ленинград для получения высшего образования. Родители много сделали, чтобы погрузить детей в культурную атмосферу этого удивительного города, что оказало на них чрезвычайно большое воздействие, на всю жизнь зародив интерес к вершинам человеческого духа. Именно годы раннего детства вызвали в хакасском мальчишке с тупиковой железнодорожной станции Абакан (еще не города) тягу к европейской культуре и чувство, со временем переросшее в глубокое личное убеждение, в основу профессиональной философии, – понимание единства и соотнесенности культуры всего человечества.

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Научное наследие Л. Р. Кызласова. 1947–2007 гг.» (101.8. «Новые теоретические и методические подходы к изучению археологических и антропологических материалов»).

В 1934 г. семья вернулась в Абакан, где для сына началась учеба в семилетней Железнодорожной неполной средней школе (ЖДНСШ), позднее – в школе № 1 молодого города. Хотя советское образование независимо от местонахождения и численности школы было направлено на знакомство каждого юного гражданина с основами общечеловеческих знаний и культуры, школьной программы оказалось недостаточно для юношей тогдашнего Абакана. Крут ближайших товарищей (русский, украинец, еврей, бурят и хакас) собирался 2–3 раза в неделю и читал друг другу рефераты по истории искусства, философии, произведения Шекспира, иных классиков, учил по самоучителю французский. В одной из тетрадей Л. Р. Кызласова той поры велся «Список книг, мною прочитанных». К 1940-му г. он составил 904 номера. Из художественных, литературно-искусствоведческих произведений, сочинений, посвященных античности (включая и древних авторов), выделим показательные научно-популярные книги: «Практику самообразования» Н. А. Рубакина и «Саморазвитие умственное, нравственное и практическое» С. Смайлса (из которой сделаны выписки), а также «Занимательную минералогию» А. Е. Ферсмана, «Минералы и породы» Н. И. Безбородько, «Земля, ее происхождение и развитие» В. И. Крокоса, «Охотники за микробами» и «Стоит ли им жить» П. де Крюи, «Карта рассказывает» Н. Константинова, «Занимательную технику в прошлом» В. И. Лебедева и «Детство человечества» В. К. Никольского.

Особенно важны свидетельства того, как рано формировался в Леониде Романовиче сибиревед и тюрколог, исследователь Центральной Азии – в этом же списке прочитанного к 16 годам в разное время названы известные специальные исследования – три И. П. Кузнецова-Красноярского², шесть трудов Н. Ф. Катанова³, две работы В. В. Радлова⁴, «Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)» А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова; «Хакасы» Н. Н. Козьмина, «Из прошлого Хакасии (историко-экономический очерк)» В. К. Хотяновского, «Население Сибирского края: русские и туземцы» А. Р. Шнейдера и Л. Н. Добровой-Ядринцевой, «Красноярский бунт 1695–98 гг.» Н. Н. Оглоблина, «Чтения по истории Сибири» Н. Н. Фирсова (вып. II), «Русская земля. т. X. Очерки Восточной Сибири», составитель И. В. Дроздов; «Живописная Россия. Т. XII, ч. 1. Восточная Сибирь», «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана, «По Абакану: с Алтая на Енисей» Н. Северина, книги Ш. М. Левина

² Здесь и далее указано по порядку прочтения: «Древние могилы Минусинского округа», «Из истории южной части Енисейской губернии», «Архив Аскизской степной думы».

³ «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков», «Известия Лоренца Ланге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах», «Письма из Сибири и Восточного Туркестана», «Татарские сказания о 7 отроках», «Среди тюркских племен», «Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX».

⁴ «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии», «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. II: Поднаречия абаканские (сагайское, койбалское, качинское), кызылское и чулымское (кюзрик)».

«Д. А. Клеменц», П. К. Козлова «Н. М. Пржевальский» и «Дары Монголии», Д. Каррутерса «Неведомая Монголия» (т. I).

Вот, оказывается, какими возможностями в 30-е гг. обладал в Абакане заинтересованный читатель. Несомненно, большую роль сыграла в раннем развитии домашняя библиотека отца, который, по словам Л. Р. Кызласова, специально собирал научную литературу – в той же школьной тетради есть незавершенный «Список имеющихся книг», составленный в 1939 или 1940 г. и содержащий названия 12 произведений, 9 из которых были прочитаны. К сожалению, узнать состав домашней библиотеки уже не удастся – она погибла в годы войны. Известно другое. Хотя Роман Афанасьевич хотел видеть сына микробиологом, спасающим людей от болезней, в общении с ним старший Кызласов не раз делился душевной болью, страдая от того, что история хакасов остается неизученной.

В ноябре 1937 г. по совершенно вздорному политическому обвинению был арестован и в сентябре 1938 г. казнен в Красноярске Р. А. Кызласов. Семья не знала о его гибели. Ко дню расставания с отцом старший сын достиг 13 лет, дочь – 10, младший сын был полугодовалым младенцем, а их матери было 34 года. Следует, однако, видеть, что к этому раннему возрасту отец уже успел заложить в своих детей понимание смысла достойной жизни. Беспредельно трагическая эпоха 20-х и 30-х годов была все же устремлена в будущее. Она возвестила и осуществляла, через муки и гибель лучших своих сынов, право каждого народа на чувство собственного достоинства, на достойную и, наконец-то, равную жизнь с другими народами многонациональной единой страны. Сохраняя эти возможности для родного народа и троих собственных детей, не скрываясь, лицом принял злые наветы и смерть отец Леонида Романовича. Та же светлая надежда и личное мужество не покинули мать, и постигшая семью трагедия не остановила в Л. Р. Кызласове стремление к знаниям. Большинство названных книг прочитано им в те самые 1938 и 1939 гг.

Летом 1938 г. пытливым школьником, наблюдавшим проходившие в Абакане археологические работы, был допущен на раскоп проводившей их В. П. Левашёвой. Выпущенная исследовательницей в следующем 1939 г. книга «Из далекого прошлого южной части Красноярского края» вошла в перечень проштудированной подростком литературы. Еще ранее, уже с 11 лет, Минусинский музей, в котором работала Варвара Павловна, с его великолепным собранием древностей был знаком парню, с раннего детства воспринявшему в Ленинграде трепетное, а затем и вдумчивое отношение к музейным коллекциям. Имя В. П. Левашевой Леонид Романович неизменно ставил первой в перечне своих учителей в науке, отмечал присущие ей высокие человеческие качества, посвящал ее работам специальные исследования (Кызласов, 1983. С. 11, 12; 1997. С. 23; 1998. С. 7; 2000а; 2000б; 2001. С. 3–17). Варвара Павловна внимательно следила за делами своего археологического крестника и издала рецензию на его первую монографию (Левашева, 1962). Их тесное, по-дружески теплое общение продолжалось позднее в Москве, переросло в семейную привязанность (Кызласова, 2010. С. 766, 767). Вместе участвовали они в издании коллективных трудов (Киселев и др., 1965), вдвоем опубликовали и некролог, прощаясь с С. В. Киселевым (Кызласов, Левашева, 1965). Редактирование рукописи

статьи, посвященной В. П. Левашевой (*Кызласова, 2010*)⁵, оказалось последней законченной работой в жизни Л. Р. Кызласова.

Именно С. В. Киселев, первая встреча с которым состоялась в Абакане в 1940 г., оказался для Леонида Романовича вторым и главным проводником в археологию. Прочитанная в городском саду публичная лекция «История хакасского народа», как и сам темпераментно выступавший профессор, остались в памяти юноши. Именно тогда вместе с лирическими стихами молодости он, опираясь на выписки из работы Н. Ф. Катанова «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков», начинает писать эпико-историческую поэму о хакасском средневековье. Юный автор еще не знал, что она будет завершена лишь в 1962 г., получит название «Сампир» и окажется посвященной борьбе с древними уйгурами, археологические памятники которых и выявил к тому времени сам Л. Р. Кызласов. Удивительно, но некоторые написанные школьником части после известной переделки вошли в завершенную поэму. Таковы, например, зачин «Хайджи»⁶ («*Расскажи-ка мне, о, парень...*»), повествующий о встрече старца с археологом, и «Песня тюргешки» («*Тонкий, тонкий сертик-месяц*»), в школьной тетради еще под названием «Песня девушки», но уже с пометкой «для эп. поэмы»).

В абаканской школе № 1, как во многих других школах страны, выпускной вечер проходил 21 июня 1941 г. Отгулявших ночь, счастливых и полных надежд выпускников дома встретила весть о войне. Юноши-одноклассники в первый же внешкольный день вновь встретились – у областного военкомата. Л. Кызласову было 17 лет, и в призыве ему отказали. Решено было продолжить образование. Перед войной парень собирался стать геологом. Быть может, потому, что слово «археолог» обычно не отделяется людьми от геологических профессий. К подготовленному в 1940 г. списку из 13 специальных книг по геологии, минералогии, геохимии сбоку приписано и «Краткое руководство по археологии» А. П. Смирнова и Н. П. Милонова (М., 1939)⁷. Здесь же обширные выписки с характеристикой минералов⁸. В итоге аттестат о среднем образовании и заявление о допуске к экзаменам были отправлены в Горный институт в Ленинград – вероятно, юноше очень хотелось вернуться в прекрасный город своего раннего детства. Оттуда пришел официальный вызов, и абитуриент тронулся в дорогу. Но доехать ему удалось только до Новосибирска, где старый мудрый кассир отказался компостировать билет молодого человека, ехавшего на запад, откуда приходили уже эшелоны с беженцами. Расхвалив «наш сибирский университет» в Томске, добрый человек именно туда и переоформил билет разобиженного парня.

⁵ Эта публикация содержит наиболее полные сведения о биографии и личности В. П. Левашевой, как и обзор литературы о ней.

⁶ Хакасское «сказитель».

⁷ Такой была новая довоенная встреча с московской археологической школой. Волею судеб именно Алексей Петрович Смирнов выступил официальным оппонентом на защите Л. Р. Кызласовым как кандидатской (1953), так и докторской ученой степени (1966).

⁸ Любовь к минералам и окаменелостям сохранилась до конца жизни – их образцы украшали книжные полки кабинета и письменный стол, зачастую служа грузом для придавливания листов рукописей и книг при работе одноруким автором.

Оба не могли знать, что благодаря этому Леонид Кызласов избежал начавшейся уже 8 сентября фашистской блокады Ленинграда, из которой студент-первокурсник, конечно, не выбрался бы. От голода умерло 97 % погибших, а оставшиеся 560 тысяч составляли только пятую часть жителей довоенного города.

Именно с лета 1941 г. в ТГУ начало работать археологическое отделение историко-филологического факультета (состоялся лишь второй его набор), на который, узнав о новой специализации, и поступил в конце июля Кызласов. Обеспокоенная таким поворотом, мать в нескольких письмах выспрашивала 17-летнего сына, как так случилось, что он, желая поступить в горный институт, вдруг решил стать историком, и какую специальность он приобретет по окончании вуза.

Состав преподавателей в Томске оказался редкостным – среди сотрудников факультета были профессора и доценты МГУ, Киевского, Харьковского, Тартуского университетов, эвакуированные с запада. Один из них, Р. М. Самарин, специалист по западноевропейской литературе, был удивлен, когда после лекции о Джонатане Свифте студент рассказал ему о вхождении истории Гулливера и лилипутов в хакасский эпический фольклор. В 1945 г. профессор поведал об этом случае в журнале «International literature». Так, не названный в статье по имени, первокурсник Л. Кызласов, еще в школе узнавший о сюжете из книги Н. Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен», обогатил отечественное и английское литературоведение. С филологом Р. М. Самариним он вновь встретился, поступив после войны в Московский университет.

Тот учебный год был для первокурсника тяжелым: студенты привлекались к строительству железной дороги, уборке хлеба на полях, литью минных корпусов на оборонном заводе. Расплачивались с ними хлебом и рабочими карточками – осенью в Томске начался голод, усилившийся к 1942 г. Иногородние студенты разъехались по домам, зимою Л. Кызласов остался в холодном общежитии один, и декан факультета З. Я. Бояршинова регулярно навещала его (жив ли, здоров ли?). Парень учился с наслаждением, после занятий до ночи засиживаясь в богатой книгами Научной библиотеке ТГУ. Тетради со сделанными там многочисленными выписками стояли в московском кабинете ученого и использовались до конца жизни. Окончив лишь 1 курс, Л. Р. Кызласов с тех пор всегда считал историко-филологическое образование наиболее гармоничным для гуманитария. Хранились и томские тетради с собственными поэтическими опытами лирически настроенного юноши.

В феврале 1942 г. он единожды выезжал домой – на похороны своей 39-летней матери. Сдав летнюю сессию, студент вернулся в Абакан, где на руках бабушки и деда оставались его сестра-подросток и малолетний брат. Но мечта об учебе оставалась. В марте 1943 г., судя по дате, уже пребывая в учебном танковом полку в Омске, юноша направил в ТГУ заявление о зачислении на 2 курс заочного отделения.

В Рабоче-крестьянскую Красную армию достигший 18 лет Л. Кызласов был мобилизован в сентябре 1942 г. областным военкоматом в г. Абакане. На сборном пункте в Бердске (под Новосибирском) офицер-танкист, отбиравший призывников для своего рода войск, дал на построении команду: «Трактористы и студенты – шаг вперед!». Такой выбор понятен – трактористы уже знали технику, а студенты были способны быстро ее освоить. Осенью 1942 г. первокурсник

ТГУ стал курсантом 4-го Отдельного учебного танкового полка Сибирского военного округа, расквартированного в Омске.

Весной 1945 г. в абаканскую избушку на Черногорской улице пришло адресованное 18-летней Кларе Романовне похоронное извещение о том, что «ее брат младший сержант Кызласов Леонид Романович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 23 марта 1945 г. и похоронен с отданием воинских почестей Германия, Силезия, дер. Бладен, высота 292».

Но, согласно уцелевшему дневнику, танкист попал в пехотный госпиталь, «где вечером 23-го мне сделали операцию. Кисть отняли». За день до 21-го дня рождения парень стал одоруким. Где там отдание воинских почестей и торжественное захоронение. 29 марта «написал письмо домой, что ранен и всё». Согласно архиву нашей армии (доступному благодаря Интернету), Л. Р. Кызласов всю жизнь так и числился в списке безвозвратных потерь РККА с того дня – 23 марта 1945 г.

Затем была череда госпиталей – сначала армейский, затем эвакуационный из Гляйвица (тогда Германия, в результате войны – Польша: Гливице) во Львов (03.04.1945: «Теперь я в Союзе». «Мы ехали хорошо. В настоящем санпоезде, а в большинстве случаев возят "летучки" – товарняк») и дальше на восток и юг. С 14.04 – Эссентуки, госпиталь № 5416. За три месяца бойца подлечили (по косточкам собрав и раздробленный локоть), 21.07 он получил справку о ранении и 23.07 уехал из Минвод, но не домой в Хакасию, а сразу в Москву, где уже в день приезда, 26 июля, подал заявление в Московский университет. Еще не демобилизованного фронтовика всерьез беспокоило, может ли одорукий человек быть археологом. Однако профессор А. В. Арциховский, основатель и руководитель кафедры археологии на историческом факультете, решил вопрос короткой фразой: «Очень хорошо, археологов-танкистов еще не было», и Леонид Романович был зачислен. С тех пор он никогда не расставался с МГУ.

Научным руководителем студента, а затем и аспиранта Кызласова стал тот самый профессор С. В. Киселёв, которого ему довелось впервые услышать еще школьником в городском парке довоенного Абакана. Прощедший огонь, воду и медные трубы, израненный танкист сумел отыскать свой научный путь и выйти на него. Нам не удастся обозреть на этих страницах редчайшее исследовательское величие Сергея Владимировича Киселёва. Важнее указать на то, что об этом не раз писал его ученик – Л. Р. Кызласов, и обнародованные строки дают возможность понять, как им самим воспринимался его мудрый наставник (Кызласов, 1975а; 1975б; 1983. С. 12, 13; 1995; 1997. С. 19–26; 1998. С. 84; 2001. С. 15; 2003; 2005).

Преданность археологии оказалась неотделима от преданности учителям. Такова природа научной школы.

ЛИТЕРАТУРА

- Киселев С. В., Евтохова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П., 1965. Древнемонгольские города. М.: Наука. 371 с.
 Кызласов Л. Р., 1975а. Учитель // ВМУ. Серия 9: История. № 1. С. 93–96.
 Кызласов Л. Р., 1975б. Учитель: К 70-летию со дня рождения С. В. Киселева // Енисей: лит. альманах. Красноярск. № 1. С. 71–74.

- Кызласов Л. Р., 1983. Обретение пути в науку / Ред. В. Л. Янин. М.: Изд-во МГУ. С. 7–15.
- Кызласов Л. Р., 1995. С. В. Киселев – учитель учителей // РА. № 4. С. 162–166.
- Кызласов Л. Р., 1997. Портреты учителей – создателей советской археологии // ВМУ. Серия 8: История. № 4. С. 3–29.
- Кызласов Л. Р., 1998. В Сибирю неведомую за письменами таинственными. Абакан: Роса. 72 с.
- Кызласов Л. Р., 2000а. К истории раскопок города гуннского наместника на р. Ташебе // ВМУ. Серия 8: История. С. 98–107.
- Кызласов Л. Р., 2000б. К истории раскопок города гуннского наместника на р. Ташебе // РА. № 2. С. 224–228.
- Кызласов Л. Р., 2001. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Восточная литература. 176 с.
- Кызласов Л. Р., 2003. Киселев Сергей Владимирович (1905–1962 гг.) // Древности Алтая. № 11. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т. С. 20–22.
- Кызласов Л. Р., 2005. Сергей Владимирович Киселев (1905–1962 гг.) и Лидия Алексеевна Евтохова (1903–1974 гг.) // РА. № 3. С. 156–160.
- Кызласов Л. Р., Левашева В. П., 1965. Сергей Владимирович Киселев // Новое в советской археологии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука. С. 7–12.
- Кызласова И. Л., 2010. Об археологе В. П. Левашевой и ее отце протоиерее П. Н. Левашеве // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009) / Отв. ред.: И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 751–769.
- Левашева В. П., 1962. Рец. на кн.: Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). Издательство МГУ, 1960, 197 стр. + 62 рис. + 4 табл. Тираж 1100. Цена 17 руб. // СА. № 3. С. 322–324.

Сведения об авторе.

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.

I. L. Kyzlasov

ATTRACTION OF ARCHAEOLOGY. PRE-WAR PROVINCIAL HISTORY

Abstract. L. R. Kyzlasov's archival documents of the 1930s recreate the atmosphere of active cultural pursuits that surrounded the young man who lived in a provincial Siberian town due to the influence of his parents and school. The meeting with V. P. Levashova and S. V. Kiselev, archaeologists from Moscow who worked in Southern Siberia, ignited his interest in the science of ancient material objects, which he maintained throughout severe years of repressions and the Great Patriotic War and which subsequently brought him to Moscow State University. After his graduation he dedicated his entire life to archaeology.

Keywords: rise of interest in archaeology, Siberian province in the 1930s, repressions, Great Patriotic War, devotion to science and teachers.

About the author.

Kyzlasov Igor' L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.